

УДК 93+243(571.5)(091)

К истории развития ламаизма на восточных окраинах Российской империи в XVII – начале XX века

И.Б. Батуева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, ул. Терешковой 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
i.batueva@mail.ru

Статья поступила 19.12.2018, принята 27.01.2019

В статье описывается процесс распространения буддизма в форме ламаизма в Забайкалье с середины XII до первой четверти XX вв. Затронуты аспекты религиозно-философского, политического, идеологического, социального, культурного становления, развития и закрепления ламаизма на восточных окраинах России. Уделено внимание первым в Бурятии буддийским дацанам, которые являлись единственными центрами духовной жизни бурят, где сосредоточивались школы, лечебное дело, просветительство. Раскрыта роль и сподвижничество настоятелей первых дацанов в распространении и закреплении буддизма на территории России.

Ключевые слова: религия; буддизм; ламаизм; буряты; дацан; ламы; религиозная культура; религиозная политика.

To the history of the development of Lamaism in the eastern outskirts of the Russian Empire in the XVII - early XX centuries

I.B. Batueva

East Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
i.batueva@mail.ru

Received 19.12.2018, accepted 27.01.2019

The article describes the spread of Buddhism in the form of Lamaism in Transbaikalia from the middle of the XII century to the first quarter of the XX century. The aspects of religious-philosophical, political, ideological, social, cultural formation, development and consolidation of Lamaism on the Eastern outskirts of Russia are touched upon. Attention was paid first to the Buddhist datsans in Buryatia, which were the only centers of spiritual life of the Buryats, where schools, medical care, enlightenment were concentrated. The role and collaboration of the abbess of the first datsans in the dissemination and consolidation of Buddhism in Russia is revealed.

Keywords: religion; Buddhism; Lamaism; Buryats; datsan; lamas; religious culture; religious policy.

Процесс распространения буддийской религии в форме ламаизма на восточных окраинах Российской империи имеет свои особенности и специфику.

Кочевое население региона в силу специфики процесса материального производства, которое в основном заключалось в кочевом скотоводстве, в повседневной жизни практически не сталкивалось с православием и католицизмом. Духовная составляющая этих вариантов христианства слабо воспринималась кочевниками-скотоводами, которые до XVII в. поголовно были шаманистами. Противоречивый процесс духовного и идеологического закрепления и расширения ламаизма в

противовес шаманизму среди бурятского населения Забайкалья еще мало изучен.

На поступательное распространение и закрепление ламаизма среди бурят повлиял неконфликтный менталитет населения, сложившийся национальный характер, который сформировала кочевая культура, а также удаленность от центра России. Немаловажную роль сыграла и благосклонность царских властей, которые всячески поощряли миролюбивый толерантный буддизм в форме ламаизма на приграничных территориях. Этот объективно развивающийся процесс превратил территории проживания селенгинских бурят в фундамент, на котором сформировался админи-

стративный и религиозно-философский центр распространения ламаизма.

Буддийская религия в форме ламаизма получила распространение среди селенгинских бурят с XVII в. Надо полагать, что носителями ее явились первоначально вышедшие из Монголии представители родов табангутов, цонголов, атаганов, хатагинов. Вполне возможно, что многие из них переселились на современную территорию Бурятии, уже будучи приверженцами ламаизма.

Буддизм, появившийся в первом тысячелетии до н. э. в Индии, в VII в. н.э. проник в Тибет, отсюда в XVI-XVII вв. распространился в Монголии. Б. Барадин считает, что монголы были знакомы с буддизмом еще при Чингисхане.

Первые данные о ламах в Бурятии относятся к 1647 г., когда Колесников пишет о предметах ламаистского культа у Турухая Табуна. В 1653 г. Петр Бекетов писал о службе ламы в ставке «Культуцина царевича» [5, с. 22]. Началом распространения буддизма среди бурят Б. Барадин считает 1712 г., когда к ним прибыли 150 тибетских лам — проповедников буддизма [2, с. 123]. В летописи Ломбоцыренова о селенгинских бурятах говорится о пятидесяти тибетских и ста монгольских ламах. Они развернули свою деятельность среди забайкальских, в том числе селенгинских бурят.

Первыми в Бурятии буддийскими дацанами стали основанные в 1741 г. среди селенгинских бурят Цонгольский дацан и Камбайн курен (Хамбынхурэ), впоследствии Гусиноозерский дацан. Имеются упоминания о том, что сартулы еще в 1707 г. имели свой дуган (часовню). Основателями первого были Агван Пунсук и Дамба - Доржи Заягын (Заяев), сын цонгольского князца, получивший богословское образование в Тибете. Основателем Гусиноозерского дацана принято считать монгольского ламу Ахалдая, прикочевавшего сюда в 1738 г. и построившего здесь первую кумирню в 1741 г. [7, с. 90]. На первых порах эти дацаны размещались в войлочных юртах и были кочевыми [8, с. 282].

Год основания этих дацанов (1741) стал годом официального признания царским правительством России буддийской религии в Бурятии. Императрица Елизавета Петровна утвердила штат в 150 лам, освободила их от налогов и податей [4, с. 135]. В 50-х гг. XVIII в.в. местности Ундэр Шохой, на правом берегу р. Темник, в войлочном дугане начали молебствия, вскоре там построили деревянный дацан.

Участовавший в 1767 г. на совещании религиозных деятелей в Москве упомянутый выше Заягын докладывал императрице Екатерине II о своей поездке через Монголию и Китай в Тибет, получил ее высочайшее благословение и был утвержден в должности главного бандидо-хамбы

ламаистской религии Бурятии. За заслуги в распространении ламаизма, в соответствии с русским законодательством, он был удостоен Андреевского ордена с голубой шейной лентой.

После смерти Заягынабандидо-хамбо ламой стал его племянник Хэтэрхэйн Содномпил. В это время в Цонгольский и Болдоморский дацаны были привезены из Китая через Кяхтинскую таможню отпечатанные на тибетском языке тома Ганжура — священного писания буддийской религии. Быстро создавались среди селенгинских бурят новые дацаны: Дырестуйский, Ичетуйский, Бургалтайский, Ацайский, Загустайский, Киретский.

В 1770 г. в знак протеста против притеснений правителей дацанов 35 низших чинов лам под руководством Цонгольского ламы Балдан-Даши Сонгорлина отказались от своей веры и перешли в православие. В этой обстановке пять дацанов по левой стороне Селенги — Гусиноозерский, Дырестуйский, Ичетуйский, Бургалтайский, Ацайский — вышли из подчинения Хэтэрхэя, бандидо-хамбой ламой стал Ахалдай.

С 1783 г. в Забайкалье стало два независимых хамбо-ламы, центром дацанов по левой стороне Селенги стал Гусиноозерский дацан. Бургалтайский дацан переехал в Гэгэтуй и стал именоваться Гэгэтуйским. От Ацайского дацана отделился и образовался самостоятельный Загустайский дацан. Были построены дацаны в Иро, Янгажине. Среди прихожан Гусиноозерского, Дырестуйского, Ацайского дацанов, наряду с выходцами из Монголии, было также много потомков булагатов, Янгажинского, Иройского дацанов — представители Галзутского рода, потомков Хоридоя.

По указанию царского правительства в 1810 г. с целью повышения роли ламаистской религии было признано желательным иметь одного хамбо-ламу, которым стал Еши-Жамсын Данзан-Гаван [4, с. 136, 137]. Его резиденцией стал Гусиноозерский дацан.

Деятельность дацанов и лам в Бурятии, хотя и была официально признана царским правительством, проходила в противоборстве с другими религиозными конфессиями — православием, католичеством, шаманством. По указу императора на монгольский язык было переведено Евангелие, переводчики которого, представители хоринских крещеных бурят, получили золотые медали. В районе Селенгинска с 1819 г. обосновались три английских миссионера католической религии, однако вскоре они были вынуждены уехать. Не хотело сдавать свои позиции господствовавшее здесь до этого шаманство [4, с. 142].

Однако в борьбе с другими религиями ламаизм сумел выйти победителем. По этому поводу Б. Барадин писал: «Русское миссионерство, при содействии всемогущей власти, в течение почти

целого века энергично работало, чтобы в корне уничтожить ламаизм среди бурят и насадить вместо него православие, прибегая часто к жестким мерам насилия. Казалось, что буряты под давлением невыносимых гонений, репрессий должны были покориться судьбе и сделаться православным народом. Но на деле получилось совершенно обратное. Ни власть, ни деньги не помогли делу православного миссионерства. В результате вековой борьбы успех миссионерства оказался весьма скромным, а ламаизм успел овладеть умами бурят» [3, с. 123].

В борьбе же против шаманизма ламаизм проводил гибкую тактику: не стремиться к разрушению религиозных традиций народа и не оскорблять его религиозного чувства, а уважать и принимать, иногда в виде компромисса, некоторые религиозные обычаи, обряды, традиции. При этом требовалось не столько заботиться о проповеди новой религии, сколько помогать народу всякими полезными советами, лечением при помощи тибетской медицины и т.д. [3, с. 123].

За период с 1741 по 1831 гг. количество дацанов в Бурятии увеличилось с 18 до 34, а число лам — с 150 до 4637.

В 1853 г. царским правительством было принято «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», которым определялось управление дацанами, выделялись им из общинных земель бурят участки в размере 500 десятин на хамбо-ламу, 200 десятин на ширетуя (настоятеля), 60 десятин на ламу, 30 десятин на банди, 15 десятин на хуvaraка (послушника). Эта мера борьбы с туеядством лам обошлась бурятским крестьянам довольно большим урезанием их плодородных земель.

В целях ограждения бурят от влияния заграничного ламства царизм запрещал или ограничивал торговлю и иные формы связи с зарубежными странами. В то же время духовенство освобождалось от повинностей. «Положение...» устанавливало контроль царской администрации над деятельностью ламаистского духовенства. Несмотря на все препоны царизма, ламы находили лазейки для организации своей жизни по своим правилам [5, с. 26, 39–42].

Буддийские дацаны являлись не только центрами для отправления религиозных обрядов, молебствий, но и буддийскими школами разных направлений. Так, Гусиноозерский дацан имел цанитскую школу, в которой осуществлялось критическое изучение религии и философии буддизма. В этих буддийских школах обучалось большое количество учеников, послушников-хуvaraков. В начале XX в. в Гусиноозерском дацане насчитывалось более тысячи лам, в том числе много хуvaraков.

Дацаны Бурятии являлись также и центрами издания религиозной литературы. До 1880 г. имелись типографии для печатания буддийской литературы в 29 дацанах, но после запрещения в 1880 г. издательской деятельности типографии остались только в Гусиноозерском, Анинском, Агинском, Цугольском, Чесанском, Хохюртайском, Эгигуевском, Цулгинском дацанах. По данным 1887 г., в списке издававшейся в бурятских дацанах литературы значилось 494 названия тибетских и монгольских книг [5, с. 61].

Гусиноозерский дацан являлся не только одним из самых крупных и богатых монастырей, но и резиденцией хамбо-ламы, верховного главы всех буддийских дацанов Бурятии.

Как и другие буддийские культовые сооружения в Бурятии, Гусиноозерский дацан представлял собой оригинальный памятник бурятской архитектуры, вобравший в себя отличительные качества тибетской, китайской, русской архитектуры.

Показательным является строительство Гусиноозерского дацана. В год его основания (1741) он представлял собой большую юрту. В 1750 г. здесь появился первый деревянный храм, представлявший первое бурятское стационарное здание культового зодчества. В 1758 г. были рядом построены еще два маленьких храма, в 1759 г. — еще один, в 1765 г. — два. Посетивший в 1772 г. дацан академик П.С.Паллас приводит несколько иные данные: главный двухэтажный и четыре маленьких храма. К 1790 г. там насчитывалось уже 9 храмов, к 1823 г. — 11. В 1848 г. в дацане, кроме главного храма, имелось 16 малых храмов (сумэ), окруженных деревянной оградой.

В 1858 г. по ходатайству лам генерал-губернатор Восточной Сибири обратился в министерство внутренних дел с просьбой о разрешении построить новое главное здание дацана взамен ветхого, построенного в 1785 г.

Строительство нового главного здания началось в 1858 г. силами местных бурят под руководством русского мастера, мещанина города Селенгинска Воронина и в основном завершилось в 1870 г., хотя реставрационные работы продолжались еще долго. Кроме главного трехэтажного здания были вновь построены 18 малых храмов.

Главный храм — Цокчин-дуган — представлял собой трехэтажное сооружение, первый этаж которого сложен из кирпича, два верхних этажа — деревянные. Как пишет архитектор Л. Минерт, «хотя массивный нижний белый этаж и резные детали декора верхних ярусов Гусиноозерского дацана свидетельствуют о влиянии центров буддизма, это совершенно отличный по организации вход, не встречающийся в храмовом зодчестве Тибета, Китая и Монголии. ... Цокчин-дуган Гусиноозерского дацана представляет яркий об-

разец бурятского зодчества второй половины XIX в., характер которого всецело определяется историческими условиями того времени» [7, с. 96]. Также своеобразными являлись и другие храмы – Чойры, Майдара, Деважин, Аюши.

В Гусиноозерском дацане ежегодно проводился традиционный Цам—грандиозное религиозное театрализованное представление, на которое съезжались тысячи верующих не только из окрестных урочищ, но и весьма отдаленных мест. Эти представления, наряду с религиозными действиями, оказывавшими на зрителей огромное психологическое, эстетическое воздействие, содержали в себе элементы народной музыки, театра и хореографии.

Дацаны являлись также главными лечебными центрами для бурятского населения, которое до революции практически не было знакомо с методами европейской медицины. Во всех дацанах имелись ламы-лекари, которые занимались лечением по тибетской медицине.

Тибетская медицина стала известна в Монголии в XVII в., а в XVIII в. начала распространяться и в Бурятии. В некоторых дацанах стали появляться медицинские школы (мамба-дацаны), в которых наряду с изучением тибетской, монгольской письменности изучалась и тибетская медицина. Такая школа была и в Гусиноозерском дацане. Полный курс обучения в такой школе длился 6 лет.

В бурятских дацанских типографиях печатались книги-ксилографы по тибетской медицине на тибетском и монгольском языках. В 60-х гг. XIX в. на монголо-бурятский язык было переведено с тибетского медицинское сочинение «Чжудши» (подлинник его на санскритском языке не найден). В дацанах была сосредоточена богатая медицинская литература на тибетском и монгольском языках.

В каждом дацане имелись хорошие знатоки-лекари эмчи-ламы, которые имели своих учеников и получили популярность среди населения. Упомянутый выше первый хамбо-лама Заягын из цонгольского рода славился как искушенный эмчи [1, с. 18].

Тибетская медицина наряду с традиционной народной медициной оказывала заметную помощь населению в лечении многих болезней. В то же время, она была бессильна против различных инфекционных заболеваний, недугов, требующих оперативного хирургического вмешательства (аппендицит, например) и т. д.

Сосредоточение в руках ламаистского духовенства лечебного дела в среде сплошь неграмотного, суеверного, невежественного в вопросах охраны здоровья населения в значительной степени укрепляло его позиции.

В случаях, когда тибетская медицина оказывалась неспособной вылечить заболевания лекарственными, ламы часто прибегали к другим средствам: чтение молитв, спасение духа больного, изгнание злых духов и т.д. Подобные приемы лам дорого обходились простым мирянам, вынужденным тратить свои зачастую последние скудные средства для спасения жизни своих близких.

Н.А. Бестужев в своих описаниях жизни селенгинских бурят не преминул коснуться и лам, их роли в жизни народа. Он саркастически описал, как ламы обирали несчастных заболевших: «Здесь, в окрестности, жил бурят по прозвищу Марко-богатый; он точно был богат, но ему стоило захворать и пролежать пять месяцев, чтобы сделаться нищим. Налетело множество лам, как воронов, надобно было совершать с утра до вечера моления, отгонять злых духов бубнами, трубами и прочею варварской музыкой... сверх того, надобно было платить и за службу, и за дружбу, и за труды, так что к концу болезни Марко-богатый стал Марко-нищий».

Отрицательно отзываясь о наличии большого числа лам и их роли в обществе, автор делал вывод, что «вообще ламское сословие есть язва бурятского племени», что «кальмы и безбрачие лам останавливают размножение этого сметливого племени» [6, с. 131, 132].

Буддийская религия, являясь, по существу, одним из главных идеологических орудий в бурятском обществе, оказала огромное моральное, этическое влияние на весь уклад жизни, нормы и правила поведения простых людей. Такие требования, как не убивать не только человека, но и любое живое существо, не только не воровать, не грабить, но и не стремиться к личному обогащению, к жадности, вплоть до проповеди аскетизма, не желать никому никогда никакого зла, никому ни в чем не завидовать, оказывать помощь слабым и нуждающимся, уважать и почитать старших, народные традиции и обычаи, не врать, не обманывать, не говорить плохо о человеке (не сплетничать) и т.д., являлись важнейшими положениями буддийской морали. Всех верующих, начиная с самых ранних детских лет, воспитывали в духе этих и других подобных заповедей. Считалось великим грехом не только совершать, но и в мыслях допускать возможность действий против этой морали.

Особенностью буддийской религии являлось то, что она исходила не из признания бога как творца всего сущего, а из учения о том, что каждый человек должен воспитать в самом себе бога – последователя Будды. Вся религиозная мораль внедрялась в сознание людей не только путем разъяснения, убеждения, внушения, но и воспи-

танием неизбежности, неотвратимости божественного наказания, кары за нарушение этих требований —любые аморальные поступки и помыслы наказывались как грех. Естественно, сильным оружием в этом плане являлось учение о загробном мире, о рае и аде (диваажинорон, тамынорон).

Буддийская мораль во всем своем многообразии в сочетании с народными традициями и обычаями, народной педагогикой формировала нравственный облик человека, привлекала неграмотных, необразованных людей своей проповедью человеколюбия. Несмотря на имевшие место нарушения моральных заповедей со стороны служителей культа, эта религия являлась благотворной питательной средой для удовлетворения естественного стремления людей к добру, к борьбе со злом.

Недаром среди селенгинских бурят, истых буддистов, как и среди других, в прошлые времена практически не знали, что такое убийство, воровство, грабежи, обман и другие пороки, которые сегодня имеют широкое распространение.

Буддийская религия в Бурятии, в том числе среди селенгинских бурят, не будучи официальной государственной религией, в определенном противоборстве с господствовавшим в стране православием, преодолевая пережитки шаманизма, на протяжении почти двух столетий укрепляла свои позиции, занимала умы и души основной части населения.

Буддийские дацаны являлись, по существу, единственными центрами духовной жизни бурят, где сосредоточивались школы, лечебное дело, просветительство. Буддийские школы, несмотря на то, что обучение в них не давало их слушателям практических знаний в тех или иных областях, кроме, может быть, медицины, несмотря на их оторванность от жизни, развивали умственные способности, вооружали учеников определенными нравственными критериями.

После Октябрьской революции в жизни советского общества постепенно начало меняться положение ламаистского духовенства, как и религии вообще. Официальная политика коммунистической партии и советского государства определялась не только декретом об отделении церкви от государства, школы от церкви, но и массовой атеистической пропагандой, затем — открытыми репрессиями против церкви, дацанов, духовенства.

Проводившаяся в 1920-е гг. антирелигиозная работа среди массы еще неграмотного населения

не давала конкретных результатов. С середины 1930-х гг., в условиях массовой коллективизации, всеобщего обязательного начального образования детей школьного возраста, усиления административных функций партийных, государственных органов произошел переход от массовой антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы к прямым репрессиям против церкви, дацанов, служителей культа.

В Бурятии, в том числе среди селенгинских бурят, в это время фактически были разрушены все дацаны, кроме основных сооружений Гусиноозерского дацана, их имущество большей частью разграблено, а духовенство в основном выслано за пределы республики, многие были арестованы и расстреляны.

Такой сокрушительный удар, нанесенный ламаизму, безусловно, привел к разрушению веками складывавшейся духовной культуры жителей региона. Возник духовный вакуум, который, по замыслу новой власти, должен был заполниться новой идеологически выдержанной социалистической культурой, чуждой религиозности.

Весь ход процесса распространения ламаизма на восточных окраинах России за период с середины XVIII до первой четверти XX вв., можно охарактеризовать как многогранный и противоречивый. Периоды ускорения сменялись отрезками стагнации. Ламаизм как социокультурное явление повлиял на многие процессы, проходившие в Забайкалье и в масштабах России, его этапы еще подлежат скрупулезному анализу и исследованию.

Литература

1. Базарон Э.Г. Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1984. 176 с.
2. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / под ред. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск: Бурят-монгольское изд-во, 1926. Т. 6. 234 с.
3. Бурядадай туухэ бэшэгууд. — Улан-Удэ: Бурядадай номой хэблэл, 1992. 240 с.
4. Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ: Бургаз, 1957. 158 с.
5. Декабристы о Бурятии. Статьи. Очерки. Письма / сост. В.Б. Бахаев. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1975. 232 с.
6. Минерт Л.Г. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. 92 с.
7. Очерки истории культуры Бурятии / [под общ. ред. Д.Д. Лубсанова]. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1972. Т. 1. 490 с.